

Повесть-быль о судьбе одной русской женщины.

1.

Родилась Нюрка в 1907 году, это годы в России, когда по всей стране, даже в далёких сибирских деревнях, не имеющих телефонной и радиосвязи между собой, да и центрами областей и районов, а они тогда назывались не областями, а губерниями, районы – волостями. Связь была почтово-конная. В сани была запряжена лошадь или две, а на центральных больших дорогах и три, к дуге обязательно колокольчики привязаны, на них и доставляли почту: письма, посылки и государственные документы, разные указания. Всё было так, как поётся в народной песне: «вот мчится тройка почтовая...».

Даже при такой связи стало известно, что в стране прокатились революционные события 1905-1907 года, которые затем в стране не прекращались, а разгорались всё с большей силой и большим размахом. Людям надоела спокойная мирная трудовая жизнь, и появились лица, призывающие к свержению царского самодержавия и изменению государственного строя, плохого для трудящихся и хорошего для богатеев, на замену хорошим для трудящихся, уничтожению богатеев, к установлению народной власти, при которой жизнь будет богатой и счастливой, не жизнь, а «малина». Смута и недовольство в народе против царского самодержавия всё возрастала и расширялась по стране.

Родилась она в селе Рогозиха Павловского района Алтайского края. Люди этого села занимались индивидуальным крестьянским хозяйством: держали скот, птицу, сеяли хлеб, лён, коноплю, которые возделывали для получения ткани (холста), верёвки. Из шерсти овец вязали носки, чулки, катали валенки, ткали ткань, но она получалась толстая, и из нее шили зипуны (верхняя одежда в виде халатов) для мужчин и женщин. Носили её зимой и осенью, подпоясывая поясами – опоясками, изготовленными из льняной или конопляной, шерстяной ткани. И только в холодные зимние дни надевали шубы и тулупы, изготовленные из овчины овцы. Всё это очень берегли при ношении, так как изготовление их доставалось очень трудно. Обувь шили летнюю из кожи, обработанной примитивным способом, это были сапоги для мужчин и чирки для женщин, которые частенько надевали и лапти. Ситец и сатин для них были большой роскошью, да в деревни эти материалы привозили очень редко, купить их было не на что, только женихам шили сатиновые рубашки, а невестам ситцевые платки или юбки с кофтами, которые после венчания они снимали и хранили десятилетиями. Эта одежда у них была чем-то особенным и очень дорога для них.

Всё крестьянское хозяйство вели вручную и почти без металлических орудий труда, в основном изготовляли из дерева. Проблема была достать железа для обода колес для телеги и литовку – косу для покоса. Землю пахали сохой, боронили деревянными боронами, но уже начинали появляться конные плуги, в которые запрягали двух лошадей, металлические бороны и железные лопаты, были серпы для жатвы хлеба.

Жили очень большими семьями, человек по 30-50. Руководили этой семьёй дед с бабкой. Все дети и внуки были в одной семье и жили в одном доме – пятистеннике, спали – кто на печи (они были большие, битые из глины, назывались русскими), кто на полатах, кто на полу, кто на нарах, кто в люльках-качалках. Жили все дружно, и все раздоры погашал дед, чаще всего суровым взглядом на провинившихся, его боялись всего больше. Видимо, не только боялись, а сильно было развито чувство послушания и уважения к родителям. А вот как и когда, при каких условиях они делали детей и их закладывали – это секрет. Никто из такой большой семьи в 30-50 человек не слышал и не видел, как супружеская пара изливала свои любовные чувства. Никто никому не изменял, не расходились друг с другом. Не так, как теперь – целуются и обнимаются везде и всюду, показывают, что любят друг друга, а каждый сформировавшийся брак не гарантирован от развода, да и разводов почти 50%. Вот этому вопросу нашему поколению людей надо учиться у наших предков.

Всё село, в основном, состояло из многосемейных, единоличных крестьянских хозяйств. Земельных участков вокруг села и вблизи села не хватало. Семьи дополнительно получали наделы далеко от села, вёрст за 15-20-25, обычно около озера, болота или маленькой речушки – ручейка, чтобы вода в них не пересыхала круглый год. Этой водой и пользовались люди, поили скот и кое-когда тушили пожары. Такие места назывались заимками. На этой заимке была избушка для людей, сарай для скота, навесы для временного хранения зерна и разной крестьянской утвари, на некоторых были построены примитивные, по чёрному топившиеся, банёшки.

Так вот, Нюрка родилась в семье 26-я, ожидали сына, девочек не хотели родители, на них десятины земли не давали, а вот на сынов давали. Родилась она не в роддоме, как теперь, и не после декретного отпуска. Принимала её не врач и даже не акушерка, (их тогда, медицинских работников, и не было в сёлах), а принимала одна бабка-повитуха, которая уже на этом деле так наострилась, научилась, что получалось не хуже, чем у врачей теперь. Роженицы были здоровы и дети тоже. Естественный отбор и борьба за существование по Дарвину можно было видеть в каждой семье. А случилось это так.

Раньше женщины зимой по вечерам пряли различную пряжу, готовились к тканью холста. Во время прядения часто пели народные песни. В то время бабы были голосистые, полнокровные и весёлые, жили дружно между собой, много занимались физическим трудом, особенно летом – от зари до зари. Крестьянский труд требовал этого. Штанов не носили, их не было, носили длинные холщовые юбки или рубахи, да не по одной, а по две-три.

Тогда никаких плавок, колготок и трико, штанов не было. О них и не знали люди ничего и мысленно не представляли эту одежду. Женщины были мускулистые, закалённые и выносливые, ожирением никто не болел, на редкость были природно фигуристые и никакой парфюмерией никогда не пользовались. И вот, мать Нюрки, Наталка, бросила петь песни и прясть. Нюрка запросилась на белый свет, а это дело началось в 1 час ночи. Наталка задумала родить. Чтобы не поднимать паники, не будить оставшихся членов семьи, да и скрыться от людских глаз, её подхватили под руки и увели в баню, к стати она была протоплена, (вечером мылись и парились мужики, приехавшие с сеном, замёрзшие и озябшие) осталась и тёплая вода. Кто-то из женщин сбегал за бабкой-повитухой, которая не отказала в ночное время прийти по такому случаю на помощь. Как там Наталка вела себя в бане и сколько времени мучилась во время родов, знает одна бабка. Но через 4 часа из бани пришла Наталка в дом, а бабка-повитуха принесла новорожденную Нюрку, которая на редкость была крупная - 10 фунтов. Потом бабка сообщила, что Наталка вела себя мужественно во время родов, не кричала много, пыхтела, надуваясь при схватках, и больше обычного потеряла крови, чем остальные женщины, у которых она принимала роды.

Нюрка родилась всё-таки большой девочкой – 4 кг весом. Наталье дали какой-то напиток, содержащий малый процент алкоголя, испить и утолить жажду и уложили спать, а Нюрку после санитарной обработки в бане и сделав всё положенное, что считала бабка-повитуха после родов, завернули в чисто постиранную в щёлоке холщовую пелёнку, положили в

люльку отдохнуть после родового мучения, в которой она и уснула. Люлька была подвешена на крюк к матке потолка, а поэтому до пола постоянно было не меньше 1 м, холодный воздух при открытой двери её не доставал, ей было тепло в этой люльке. Тогда почти все дети вырастали в люльках — это прямоугольник, сделанный, обычно, из берёзовых палок диаметром 5 см, размером 50x80 см, обшитый толстой холстиной, к которому по углам привязывали четыре конца верёвки, концы эти заделывали к коньку или крюку, а уже тот подвешивали на крюк к потолку. В этой люльке ребёнок и качался до года. А когда он начинал уже садиться и вставать, его переводили в деревянную кроватку-качалку, из которой упасть и разбиться не мог. Теперь-то для детей каких только колясок и коечек не наделали, а тогда всего этого не было, сосок тоже не было, их заменяли тряпочными мешочками.

Ну, об игрушках для детей и говорить нечего, их у крестьянских детей не было, да и покупать было не на что, да и в магазинах-лавках купеческих их почти не продавали.

Это теперь для детей каких только игр не продают. Можно купить резиновые, пластмассовые, металлические, заводные, сигнальные и музыкальные, летающие и нелетающие, деревянные и глиняные, дорогие и дешёвые. Покупают в детских магазинах и отделах для детей любые игрушки, какие только тебе душа желает, и на какие средства позволяют. Правда, теперешние дети игрушки не берегут, мало ими играют, а больше их ломают.

А если дети подрастают, им и велосипеды, мопеды, и мотоциклы разных марок покупают, вот они от дури и по детской шалости и нарушают правила дорожного движения, часто создают аварийные ситуации, и не так уж редко сами гибнут, налетая и подлетая под движущуюся дорожную технику. Не так уж редко водители транспортных средств, попавшие в дорожно-транспортную аварию, связанную с гибелью детей-лихачей, лишаются водительских прав или же отправляются за колючую проволоку в лагеря на различный срок простого, строгого или усиленного режима для отбывания наказания за совершённый проступок. А надо-то было справедливости ради отправить за колючую проволоку тех родителей, которые несвоевременно приобретают своим детям мототранспортные сухопутные и речные средства. В особенности тех, у которых генная инженерия нарушена с детства по различным причинам, и дети которых уже в школьном возрасте признаются дебилами.

Так вот, тогда для детей были игрушки примитивные и сделанные своими руками, кто что умел. Девочкам чаще всего шили из лоскутков куклы, лепили из глины, а потом обжигали и раскрашивали разных животных, птиц, разные свистульки. Делали свистульки из коры ивы, вырезали из дерева и лепили из бумаги разных коней и животных. Мячи делали из трутьевиков дерева, обтягивая их кожей, чтобы не разбить во время игры в лапту, а также делали мячи из шерсти домашних животных: лошадей и коров,

скатывая её в шарики, играли в бабки (панки) – суставы от животных, ну и конечно, в пасхальные праздники играли крашеными яйцами.

Все эти игрушки чаще всего делали сами дети, они их берегли и передавали из поколения в поколение. А времени для игры у крестьянских детей было очень мало. Начиная с 6-ти лет, они уже привлекались к крестьянской работе, а уже с 11-12 лет мальчики были настоящими хлеборобами (пахали, боронили, готовили сено, пасли скот). А девочки доили коров, пололи в поле. Одним словом, все росли в труде, а не в игре.

В селе жили разные крестьяне. Одни трудились сами и привлекали своих детей работать с ранней зари и до позднего вечера. Другие крестьяне долго по утрам спали. Днём же, в летнее время жарких и солнечных дней, часто сидели в тени под кустом. А вечером, когда трудолюбивые крестьяне возвращались с полей, они уже сидели на завалинках своих домов и играли на гармошке, веселя своих членов семьи от мала до велика и им подобных крестьян. У таких крестьян-лодырей ничего не было ни на столе, ни на себе. Часто такие крестьяне жили голодными и холодными и вынуждены были устраиваться в наймы на работу к трудолюбивым крестьянам.

Долго Наталье после родов не пришлось отдыхать. Тогда ничего не знали о декретных отпусках и отпусках по уходу за ребёнком. Да и какая речь могла идти в единоличных хозяйствах о льготах для женщин? Она должна, чтобы выжить, трудиться, и только этим трудом обеспечить себя и свою семью. Уже на третий день Наталья выполняла все обязанности по дому: готовила пищу для огромной семьи, присматривала за Нюрой и остальными маленькими детьми. Её не брали на поле на работу, но по дому работы все были возложены на неё.

Я не буду описывать, как воспитывалась Нюрка народившаяся, но росла она быстро и хорошо, хотя ей не ставили никаких прививок против болезней. Против оспы и то поставили ей прививку уже в 7 лет, когда её уже возили в поля на работу, где она должна верхом на лошади боронить пашню, выполнять работу подпaska и многое другое. До 1.5 лет Нюрку мать кормила грудью, молока в ту пору у женщин было много, питались они хоть и разнообразными блюдами (они их не умели готовить), но мясо, молоко, овощи и другие крестьянские продукты ели досыта. А какие щи они варили в больших чугунах в русских печах! Таких вкусных щей теперь никто не умеет готовить. Все продукты были естественные, природные, выращенные без всякой химии, а поэтому они хорошо усваивались органами пищеварения. Подкармливать Нюрку стали через год после рождения, и то только кашей из гречихи, проса и овса, других круп и разной детской пищи, какую продают теперь, не было.

Наталья могла бы кормить Нюрку грудью и до 2-х лет, существует в природе правило – когда дети вскармливаются молоком матери, они почти не болеют. В молоке, видимо, содержатся иммунные вещества, убивающие болезнетворные бактерии. Нюрка на редкость росла сильной и красивой девчонкой. Да вот беда пришла.

Большие семьи стали раскалываться и делиться. Многие мужчины, побывавшие на первой Мировой войне, посмотрели, как живут люди в западных странах и как ведут хозяйство. Семья Нюрки осталась в количестве 19 человек, а поэтому Наталья должна была работать в поле, и Нюрка перешла на питание натуральными крестьянскими продуктами. Наталья работала не только днями на заимке, но и неделями не приезжала домой. Так что отучить от груди ребёнка было очень легко.

Я уже писал, что Нюрка с семи лет начала работать на полях, а с 10 лет она уже самостоятельно доила коров и поила телят, в полном смысле слова заменяла взрослого человека. Домой с заимки приезжала только на воскресенье и по большим религиозным праздникам. Вот так и проходило её «счастливое» детство.

В деревне была школа, но учиться её не пустили родители, надо было работать, да и вообще тогда девочек-крестьянок почти не учили, только мальчиков учили родители, и то не всех. Так и осталась Нюрка на всю жизнь безграмотная. Правда, потом, где-то в 30-х годах, находясь в ссылке, она окончила ликбез, научилась расписываться. А ей бы не мешало поучиться, и из неё вырос бы нужный человек для общества. Природа одарила её замечательным голосом, когда она пела, то все окружающие её люди всегда просили её петь и запевать, все слушали с особым удовольствием. Из неё бы вышла певица не хуже, чем Зыкина и другие. Но

судьба её распорядилась по-другому с ней - очень жестоко и страшно, она всю жизнь хлебала горького до слёз, но петь для себя не разучилась.

В октябрьские дни 17-го года ей исполнилось 10 лет, и она, присматриваясь к старшим, заметила, что люди стали меньше держать скота, меньше сеять хлеб, сокращать своё крестьянское хозяйство. Это она объясняла тем, что в деревне стали появляться «белые», которые население грабят, «красные» придут – грабят, «зелёные» – грабят. Некоторые стали бросать своё хозяйство и уезжать в город, а некоторые – кто побогаче – и за границу. В то время она стала понимать, что население делится на богатых и бедных, пролетариев, буржуев и купцов, капиталистов, трудолюбивых и лодырей. Революционная смута охватывает не только город, но и деревню. Население начинает волноваться и думать, куда же податься крестьянину. Но глубокие крестьянские корни мешали семье Нюрки оторваться от земли, и она продолжала заниматься хлебопашеством. Так и работала, не разгибая спины, до 1923 года.

А в 1923 году её, 16-тилетнюю девчонку отдали замуж за 18-тилетнего соседского парня, тоже крестьянина. Венчали их в деревенской церкви, но поп не стал венчать их, мало лет было Нюрке. Тогда родителей добавили ей год, с тех пор она стала не с 1907г., а с 1906 г. рождения. Сыграли свадьбу, гуляли три дня, пили и ели до сыта. Свадьба прошла весело и спокойно, всё предсказывало и предвещало тому, что жить бы этой паре счастливо и радостно, укрепляться своими корнями в крестьянскую землю, продуктами которой кормить себя, а излишки отдавать городу. Собралась эта пара на зависть всем односельчанам красивая, работающая, певучая, цепкая и не лишена ума. Правда, Нюрка была победнее, большого приданого у неё не было, но были бы золотые руки, а остальное всё прирастёт. Дела у них пошли хорошо. Семья, в которую взяли её замуж, состояла из свекра со свекровью, четырёх их дочерей. Старшая их дочь была замужем за бывшим их работником, остальным было: одной - 8 лет, другой - 5 лет, третьей – 1 год, мужу – 18 лет, мужу старшей сестры, бывшему работнику, - 27 лет. Таким образом, она в семье была девятая. Свекровь руководила и справляла женские дела по дому, а свёкор был любителем-пчеловодом, держал до 25-30 колодок пчёл, а остальные были заняты пашней и живностью. В свободное от пчеловодческой работы время свёкор помогал по крестьянству. Пчёлы в то время давали неплохой доход, ведь их не надо кормить, а различных цветов в Алтае, с которых они собирали мёд, в то время хватало, причём они не опылялись никогда никакими химическими веществами, и пчёлы не гибли. Где-то в году 26-27 эта семья купила сноповязку (машина конная для уборки хлеба), правда, чтобы рассчитаться за неё деньгами, они распродали почти всё своё хозяйство и израсходовали все свои семейные сбережения. С покупкой сноповязки зависть у односельчан к этой семье ещё больше возросла, многие просили убрать свой хлеб. Муж Нюрки, Сергей, конечно помогал убирать хлеб знакомым односельчанам, не бесплатно, конечно, по обоюдной дого-

ворённости на добровольной основе. В 1924 году у Нюрки родился сын, которому все были рады: ещё один наследник, ещё одни мужские руки в семье. Дело пошло не к упадку крестьянской семьи, а к её подъёму и расцвету. Но события в стране в тот период времени не давали крестьянам разворачивать своё хозяйство, а наоборот – сокращать. Всё чаще стали приезжать в деревню представители власти и отбирать у крестьян хлеб, животных и другие крестьянские продукты, причём, иногда выгребали всё до чиста, даже не оставляя на пропитание самой семье, не говоря уже о семенном материале. Дела эти творились насильно, часто хозяину-крестьянину не спасибо говорили за такое ограбление, а пороли плетьюми и шомполами, бросали в тюрьмы. Крестьяне села сильно боялись этих продотрядов. Часто с появлением этих продотрядов убегали мужики, если это удавалось, из деревни и прятались в лесу. В доме оставались одни женщины и дети, с которых продотрядовцы требовали зерно, угрожая им, но не били. Требовали сказать, где спрятан хлеб и где спрятался сам хозяин. В деревне поползли слухи о насильственной коллективизации, образовании колхозов. Многие мужики бросали свои дома и хозяйство и убегали в города и промышленные посёлки, устраивались на работу, (а рабочие руки нужны были везде), потом забирали семьи. Предчувствуя такую обстановку, старшая дочь со своим работником-мужем ушла в районное село и там устроилась на жительство. Семья начала рассыпаться. Свёкор переписал всё хозяйство на своего сына Сергея, мужа Нюрки, а сам поехал на реку Чулым разведывать новые места для жительства. Ему в это время подошёл пенсионный возраст. И вот в начале декабря 1929 года в деревню снова прикатил продотряд выгребать последние крохи зерна. Сергей, муж Нюрки, только что вновь испечённый глава семьи, уехал за сеном на трёх лошадях за 15 км (вёрст) от дома. Ввалившись в дом, продотрядовцы стали требовать хлеб, которого уже не было. Ничего они не нашли в амбарах и в доме, всё было пусто. Продотрядовцы подумали, что Сергей запрятал хлеб, и стали его ждать. Дождавшись, когда он приехал с сеном, продотрядовцы стали требовать с него зерно, которое якобы он спрятал, но его на самом деле не было. Не дав ему даже поужинать, увели его куда-то, прихватив с собой двух лошадей и корову. Всё это происходило на глазах у детей и двух женщин – свекрови и снохи, Нюрки. Продотрядовцы не обращали внимания на детские и женские слёзы, кто-то из них ещё выругался о том, что они расплакались, а Нюрку резко и грубо оттолкнул от рогов коровы, за которую она держалась, и не давала уводить. После стало известно, что Сергея, после лёгких пыток плетью, увезли в Барнаул и посадили на 4 месяца в тюрьму. Так осталась семья без мужчин. Семье сообщили, что она подлежит раскулачиванию и будет выслана в Нарым, так называлась наша местность в то время. Кто не знает, то Нарым в переводе с языка местного туземного населения означает «гнилое болото». И действительно, болот в то время хватало, много озёр и речушек, много леса дремучего и не тронутого человеком, где было много вся-

кого гнуса (комаров, мошки, мух, овода и многих других насекомых), набрасывающегося на человека и животных, поедающих человека почти заживо. Спасаться от всякого гнуса в то время нечем было. Химических средств никаких не было. Спасались дымокурами да сетками, смазанными в дёгте, или марлевыми, у кого были. Дорог от жилых мест до жилых не было, единственные средства сообщения были реки и речушки, от поселения к поселению. Правда, рыбы в воде, дичи различной в Нарыме в то время было много. Чем и занимались местные аборигены в то время. Не даром Джугашвили И.В. по кличке Сталин (видимо, от слова сталь) не выдержал, находясь в ссылке в с. Нарым, таких условий и бежал из него. Вот тогда, видимо, он и обратил своё внимание на эту местность. Она ему понравилась, и позднее он стал ссылать туда всех тех, кого он признавал нужными. Ссылал он уже людей под большой вооружённой до зубов охраной, бежать уже никто не мог, расстреливали на месте. В Нарыме появились не только ссыльные, но большие вооружённые отряды, комендатуры, тюрьмы, колючая проволока и многое другое, что было направлено на уничтожение человека. Люди в этих местах гибли не только от сталинской охранки, но больше всего от голода и холода, болезней. Их пригоняли и высаживали на голых местах, не обжитых человеком. На первых порах эти люди строили шалаши, землянки, закапывались в землю, но всё равно выходили победителями в схватке с суровыми северными условиями и сталинской охранкой. Они выживали, правда, не все, превращали леса в дома, пашню, осваивали жесткие сибирские края. Люди были на редкость трудолюбивы, в основном, честные крестьяне. Даже такие адские условия не сломили их. Сталин не предусмотрел их работоспособность и умение приспособливаться к различным условиям. Крестьяне выжили, а потом ещё и организовали колхозы, разные артели и другие госпредприятия, дававшие во время Отечественной войны не только замечательных воинов-сибиряков, но и продуктов питания, одежды, многое другое, чем население обеспечивало фронт. Тыл этих мест работал напряжённо.

К стати о Сталине. Он испугался Нарымской ссылки. Говорят, нанял или упросил одного остяка (местного жителя), он его в обласке по реке Шудельке куда-то вывез до ближайшей пристани, а там он сел на пароход и уехал не то в Томск, не то в Новосибирск. Бежать тогда было очень легко, жандармов-то мало было, некому было смотреть за политзаключёнными. Про его побег жандармы узнали, видимо, месяцев через 5-6, а поэтому и ловить-то его некому было. Да и тюрем тогда не было почти. А если где и были, то они были примитивные, из них не бежать, а уходить спокойно можно было. Вот он, Сталин, настроил столько тюрем, (начиная от Москвы и до Узлена, что расположен на берегу Чукотки), оснастил их таким оборудованием, что не только бежать из них, а мысль допустить о побеге и в голове держать не будет даже отъявленный рецидивист или приговорённый какой-нибудь «тройкой» к высшей мере наказания.

Итак, в середине марта 1930 года к дому, где жила Нюрка с шестилетним сыном (другой сын находился в животе и уже просился на белый свет, ему было семь месяцев), подкатила карета с вооружёнными людьми, одетыми в шлемы и длинные шинели. Они сообщили о быстром сборе и отправке в ссылку, объявили через 2 часа выезд. Свекровь с 3-мя дочерьми (старшей было 14 лет, младшей – 8 лет, средней – 11 лет) вместе с Нюркой запрягли свою спокойную кобылку в сани. На сани усадили своих маленьких детей мальчика и девочку 8 лет, прихватили кое-какие вещички из холста сшитые, утирки (так называли полотенца), бельишко и обувь, продукты, какие имелись. Всё это уложили, и ровно через два часа эта кобылёнка, а за ней две женщины (одной за 50 лет, а вторая беременная), с ними две девочки, (кроме мальчика и девочки, сидевших в санях), под тщательной охраной людей в шинелях и шлемах, с наганами и шашками на боку, поплелись из Рогозихи в Павловск, а оттуда в Барнаульскую пересылочную тюрьму.

Всё это расстояние в 72 версты они покрыли за 1.5 суток. Представьте себе, читатели, каково у них было самочувствие: оставить свой обжитый, два года тому назад отстроенный, большой крестовый дом в деревянном исполнении, а также кое-какую животину и шmutки, и под оружием идти на высылку. Вот тут, наверное, Нюрка и подумала, когда ребёнок в живот стучал, хотя и была неграмотная, что революция не дала людям землю, братство и равенство всех народов. И чтобы ей в голову не лезли бредовые мысли, она перетянула живот длинной утиркой (так лучше идти, легче) и, опустив голову вниз, шла за санями до самого Барнаула, умываясь слезами, не обращая внимания на окрики вооружённых охранников: «Подтянись! Не отставай!» Кончилась её спокойная семейная жизнь, хотя и физически трудная. По дороге в Барнаул обоз останавливался в каждом селе, добавляя в свой состав кулаков.

Оглядывая повозку Нюрки, жители села Шахи спросили её, где же её кулацкое богатство? Богатство всё на них было. Одеты были в шубы, на голове шалёнки, на ногах валенки, да в санях лежали вязаные чулки с кожаными чирками на случай весенней распутицы.

Ворота Барнаульской тюрьмы-пересылки отворились, и семью Нюрки загнали туда. А в этой тюрьме было набито столько кулаков-крестьян, что ступить человеческой ногой негде, не только, что лечь на нары и отдохнуть. Сама тюрьма больше походила на длинный одноэтажный барак с двухэтажными дощатыми нарами, в котором была полутьма, сырость и духота, в нём было жарко без всякого отопления от выдыхаемого людьми воздуха. В этой тюрьме собирали со всех деревень крестьян-кулаков, и готовили эшелон для отправки в Нарымский край. Условия были ужасные,

не было медицинского обслуживания, негде было умыться, кормить – не кормили, питались тем, кто успел с собой прихватить кусок хлеба. В бараке был сплошной ад. Уже здесь, в тюрьме, появились первые мертвецы из детей и женщин.

Нюрка со своей семьёй приютилась в уголке у входа в тюрьму, кое-как уложив детей спать на нарах после большого перехода. А сама, присев на коленях около них, долго раздумывала, что же её ждёт впереди. Долго ругала себя за то, что перед высылкой не ушла от свекрови к своим родителям. Они не подвергались выселке, как крестьяне-бедняки. Нужно было взять своего шестилетнего сынишку, на шуметь на всю деревню о разводе с мужем (он всё равно находился в тюрьме) и уйти к отцу с матерью. Всё равно, ведь в селе всё знали, не могла же Нюрка быть кулачкой за 7 лет совместной жизни с мужем, у них ведь не было никакого богатства, не успели они его нажить. Но в тот период времени не было обычаев разводиться с мужем, пары женились навечно, были преданы друг другу, детей воспитывали вместе, не оставляя без матери или отца. Это теперь ничего не стоит молодым развестись, бросить детей, оставить в больнице, отдать в детдом или ещё куда выбросить. Тогда это делать было грешно, не та нравственная мораль была. Да и муж-то у неё был первенький, никто другой ей не нужен, Он был для неё самым хорошим. Нет, отбрасывала она такие грешные мысли о распаде семьи, и уже что будет, отправилась на выселку. Вот какие жёны были преданные мужьям. Теперь говорят, есть часть женщин, которые завидуют на чужих мужей, а своих критикуют, (да ещё как!), что они плохие. Эти женщины до свадьбы наживутся половой жизнью с кем попало, а потом, потеряв вкус к мужскому полу, начинают заниматься сравнением мужчин, отравляя жизнь всей своей семье, идя на скандалы и разводы.

Целую неделю готовили железнодорожный состав из телячьих вагонов для отправки переселенцев в Томск. Вагоны были маленькими, товарных пульманов тогда ещё не было, да и сами паровозы были маленькими (кукушками их звали). Вот в этих вагонах предстояло ехать переселенцам трое суток из Барнаула до Томска. Печки-буржуйки в них не ставили, но в вагонах было, не смотря на середину марта, тепло, так как в них набивали переселенцев, что селёдку в бочку. Обогревшись в вагонах выдыхаемым воздухом. Поезд часто в пути на станциях останавливался, нужно было в паровоз набирать воды, а это и людям было хорошо, они имели возможность набрать кипятку и им погреться, а то и размочить сухари для еды. За день до отправки из пересыльной тюрьмы на душе Нюрки повеселело – отыскав их, к ним пришёл свёкор. Ему сообщили на Чулым, что семью отправили на выселку. Бросив на Чулыме работу, он прибежал в тюрьму, его приписали к семье, и он вместе с семьёй отправили на выселку. Теперь уже не так страшно стало – в семье появился мужчина, хотя уже и 60-тилетний, а не одни бабы с детьми.

В Томск привезли на рассвете. Сразу же конвоиры стали формировать группы переселенцев для отправки по районам, тут же Барнаульские конвоиры сдавали под охрану переселенцев Томским охранникам. Семье Нюрки надлежало ехать на поселение в Чаинский район, посёлок Макарьевка, которого в последствии на месте не было, а было только обозначенное голое место. А до этого места было от Томска ровно 330 км, которые нужно прошагать пешком под конвоем вместе с детьми, а Нюрка к тому же была ещё и беременная. Подошедший конвой сообщил Нюрке, чтобы она забрала из вагона свою кобылёнку, на которой ехали из Рогозихи до Барнаула. Свёкор вывел из вагона свою кобылёнку, запряг в сани, и через полчаса эта семья была готова на этап. Правда, если бы на шее лошади не было бирки, то её бы не узнала и Нюрка. Кобылёнка была без хвоста и гривы, на теле были голые места от шерсти. Всю гриву, хвост и шерсть обгрызли другие лошади, в вагоне их везли и не кормили (или плохо кормили), вот от голода они и грызли друг друга. К обеду этап уже тронулся из Томска в дальний путь под усиленной охраной конвоя, сидевшего в сёдлах на добрых конях. Детей маленьких усадили в сани, а взрослые и дети старше 10 лет шли за повозками. Вся эта вереница жалких и обиженных сталинской политикой людей, согнанных с обжитых мест, потянулась строить сталинский социализм далеко на север в Нарымский край. Порядок следования был установлен жёстким, ежедневно нужно было пройти 20 км от посёлка до посёлка. В пути, правда, давали по пайке хлеба и горячий приварок по вечерам всем переселенцам. Кобылёнка после 2-х дневного похода повеселела, её свёкор тщательно и по-хозяйски кормил на полустанках, после вагонной голодовки. А вот Нюрке идти становилось всё тяжелее и тяжелее и, как бы она не затягивала свой живот полотенцем восемь месяцев беременности говорили сами за себя. На 12-тые сутки семья Нюрки достигла пос. Сугот Колпашевского района, где конвой почему-то расквартировал всех переселенцев по местным жителям. Позднее стало известно, что остановка в Суготе объясняется тем, что не была организована охранка на конечном пункте пребывания.

Семью Нюрки поместили, на счастье, к доброму суготскому местному жителю Беркутову, который жил по тем временам зажиточно. Семья Нюрки помогала ему выполнять крестьянские (а их всякой очень много) работы, а Беркутов их за это кормил и разрешал мыться в своей бане. В этой бане в третьей декаде мая Нюрка и родила себе 2-го сына, который просился в дороге на волю. Родился он, конечно, не вовремя. Не потому, что срок не подошёл, а потому, что в дороге этапирования переселенцев. Ничего хорошего в будущем ни народившемуся мальчику, ни Нюрке это не предвещало.

Но тут в Суготе ещё одно счастье подвернулось. Не только, что она попала к доброму хозяину Беркутову, не только, что благополучно расстряслась, но и к ней приехал муж, которого после тюрьмы г. Барнаула выслали раньше, чем семья Нюрки прибыла в Сугот, на лесоповал в пос. Ро-

манцовка Чаинского района, который находился в 30 км от Сугота. Тут он и увидел дорогой нарождённого своего сына. Он и перевёз всю семью из Сугота в Тоинку, а затем чтобы поселиться в Макарьевке. Всё это было обговорено с местными комендантами и сделано с их разрешения. В семью вернулся другой мужик. На душе Нюрки стало веселее.

Поселились в Тоинке три переселенческие семьи по 10 человек в одной деревенской лачуге, брошенной местными жителями, как негодной для использования. На третий день семье Нюрки показали Макарьевку, где она должна жить. В этой Макарьевке не было ни одного дома. Само место было расположено в тайге, в 10-ти км от Тоинки, но на двух горках, рассекаемых болотистой речушкой Майгой. Не теряя времени, мужики, построив шалаш, пешком отправились в Макарьевку корчевать землю и рубить домушку. Отвоевав у тайги с гектар земли, они посадили картошку и посеяли пшеницу, чтобы чем-то располагать зимой из продуктов. Землю копали лопатами. Одновременно с этим строили себе домик. К половине июля домик покрыли земляными пластами, но жить в нём ещё нельзя было без печи и другого оборудования. Всё говорило за то, что зимовать придётся в Тоинке в лачуге в составе трёх переселенческих семей, с малым ребёнком. И тогда принимается решение в семье: отправить Нюрку с детьми на свою родину – в Рогозиху. Она должна бежать без документов, скрываясь от конвоя. Но опять подвернулся случай. К ним приехал муж золовки, привёз им какие-то вещички. У него был документ, удостоверяющий личность. В этом документе было вписано двое детей и жена, фотографий-то раньше не было. Вот с ним она и решила бежать в Рогозиху к отцу. Забрав своего 6-тилетнего сынишку и 3-хнедельного новорождённого, она направилась с ними до ближайшей пристани Баранаково, до которой было не менее 60 км. Это село было на берегу Оби. Шли они до пристани около двух суток. Пелёнки для маленького ребёнка она сушила своим телом, обмотав вокруг себя, никто их не поймал в дороге из конвоя. Придя в Баранаково на пристань, им пришлось ждать 5 дней на берегу, пароходы не садили пассажиров, были переполнены. На шестой день их посадили на пароход, они поехали до самой пристани Шелоболихи, делая пересадки на пути. До Шелоболихи они добрались на 15 день, тогда ведь не было скоростного речного транспорта, пароходы против течения ходили со скоростью 8-12 км в час. К их счастью никто у них в пути не проверял документов. От Шелоболихи до Рогозихи не так уж далеко. За ними приехал Нюркин отец на пристань и увёз их домой. А вот в село их завозил поздно ночью, чтобы этих гостей никто не видел. Все жители Рогозихи, свои или чужие, были предупреждены о том, что кто скрывает кулаков или членов их семей, будут выселены сами в места не столь отдалённые, как теперь говорят. Приехав домой Нюрка развернула своего ребёнка, а на нём местами кожа слезила, подпарилась от ссаных пелёнок, ведь в дороге не постирать, ни вымыть ребёнка было негде. Трудно подумать, что в таких условиях дети могут выживать, что родители, находясь в экстремаль-

ных условиях, не бросали своих детей, хотя намерения у Нюрки были выбросить его за борт парохода.

Прежде всего, в отцовском доме Нюрка помыла детей и сама себя привела в порядок. Мать, Наталья, накормила всех досыта. Нюрка уложила детей спать. Они сразу уснули. Даже младенец после мучений уснул и за всю ночь ни разу не проснулся после нарымских и дорожных мучений. Нюрка рассказала родителям о своих мытарствах и мучениях. Все трое плакали, слушая Нюрку о пережитом в ссылке, и думали, что же понаделала революция над простыми честными тружениками-крестьянами. Тут же наметили, что назавтра Нюрка отнесёт своего младенца к своей сестре, (у неё был такой же маленький ребёнок), чтобы не узнали соседи и люди, что они прячут маленького кулачѐнка. Сама часто днём сидела у отца в подполье, а вечером поздно ходила, чтобы никто не видел, к сестре кормить ребёнка и, сдаивая себя, рано утром уходила к отцу, оставляя ребёнку молока. Другой, шестилетний, сынишка жил у другой сестры, у которой было шесть человек детей, там никто не мог разобрать, какие свои, а какой кулачѐнок. Так бы и жила она целый год в бегах у отца. Но не тут-то было. Кто-то донѐс местным властям, что Нюрка скрывается у отца. Её подкараулили в начале сентября и выловили. Пришлось брать своего ребёнка, ему ведь нужно было материнское молоко, и отправляться снова под конвоем в ту же барнаульскую пересылочную тюрьму. Через неделю её приехал попроведовать в этой тюрьме отец. Она твёрдо решила бежать из неё, так как с ребёнком грудным в тюрьме жить дальше нельзя, он обречѐн на верную смерть. Договорились с отцом, что он в условленном месте за городом на выезде у одних жителей её ждѐт. Ночи в сентябре уже были тѐмные. Она подошла к воротам тюрьмы и посмотрела в дырочку, что часовой стоит и спит, прислонившись к стене забора. Она приоткрыла ворота (хорошо, что они не скрипели), ребёнка запахнула полами шубы и вышла на цыпочках через приоткрытые ворота на улицу. Дойдя до конца тюремного забора и повернув за угол, она уже побежала бегом, ступая на полные ступни ног. Через полчаса она была у дома за городом, где ждал её отец. Ехали они всю ночь, а на день остановились недалеко от дороги в берѐзовом околке, покормили лошадь, сами отдохнули и вернулись опять в Рогозиху в полночь. Утром рано отец повѐз их в Шелоболиху на пристань, а в Рогозиху заезжали за шестилетним сыном и за продуктами. В Шелоболихе отец посадил свою дочь с двумя детьми на пароход, на котором она с пересадками доехала до того же Баранакново, через которое убегала. Тяжело было на сердце отца и дочери. Какому отцу хотелось бы отправить свою дочь в нарымскую ссылку, да ещё с двумя детьми?! Какой дочери захочется уезжать от отца в нарымскую ссылку, в необжитые места?! Но было такое время в тридцатом году, что не судимый никем, а обращались хуже, чем с самым страшным преступником. К стати, эта печальная разлука была у Нюрки с отцом последней. Больше они не встретятся никогда, он умрѐт в 1935 году от брюшного тифа.

От Баранаково она пришла пешком в Тоинку. Свёкор с семьёй уже жили в другом доме, но уже не три семьи, а две. С ними же жил её муж. Они со свёкром строили свой дом, но уже не в Макарьевке, а в Тоинке. Комендатура разрешила им жить не в Макарьевке, а в Тоинке. Это было намного географически лучше. Посёлок стоял на берегу судоходной реки Чая.

К 13-ой годовщине Октября семья вселилась в свой дом, наскоро сделанный, в котором проживало 9 человек. Это уже была по тому времени победа для семьи: в ссылке они не умерли, а выдержали и приспособились зимовать.

Сталин не платил в ссылке раскулаченным переселенцам, хотя сам от царя получал деньги, да по тем временам не малые, жил в ссылке и не работал. Переселенцы на редкость оказались жизнеспособными, они в этих условиях выжили, хотя много их и отправилось на тот свет от голода и болезней, связанных с холодом.

Конец 30-го года и начало 31-го года семья Нюрки прожила очень трудно. Нужно было раскорчевать дополнительно землю для огорода и посева хлеба. Но комендатура давала в аренду лошадь с последующей оплатой за неё, выдавали семена зерна для посева. Уже в 31 году эта семья посеяла 2.5 га зерновых и 0.5 га разных овощей. А трудиться приходилось, не разгибая спины, плюс к тому нужно было ещё на работах по указанию коменданта заработать денег на выкуп пайка, выделяемого комендатурой. К концу 31 года эта семья купила даже корову, а свёкор приобрёл у караимских татар 3 роя пчёл. И пока эта семья стала крестьянами-единоличниками.

К 1932 году эта семья уже стала подниматься на ноги, обеспечивать себя продуктами питания, а из села Рогозихи, откуда их выслали, стали получать письма и холстину для одежды. Правда, в их доме сделали школу, надворные постройки все разобрали на дрова лодыри-бедняки, сельскохозяйственный инвентарь весь растащили. Дом оголел, но всё ещё напоминал, что в нём жили трудолюбивые крестьяне. Но не долго продолжалась их единоличная крестьянская жизнь. Волна насильственного образования колхозов по сталинскому желанию охватила нарымский край.

В пос. Гришкино, это противоположная сторона берега Чаи от Тоинки, образовался колхоз «Север». В этот колхоз «Север» добровольно-принудительно и вошла семья Нюрки, сдав в него своего мерина Серка, которого взяли в аренду у комендатуры.

Жизнь опять изменилась в худшую сторону. Работали на колхозных работах Нюрка с мужем много, работы были тяжёлые, нужно было корчевать, пахать, строить, косить и многое другое. Всё делалось вручную. Рабочий день в колхозе был ненормирован, а за работу платили (или начисляли) трудоднями, на которые в конце года выдавали граммы зерна, а всё доброе зерно колхоз сдавал в госпоставку. Таким образом, семья перестала есть чёрный хлеб, а стала есть хлеб из тёртого картофеля с подме-

шиванием горстей 2-3 чёрной не обойной ржаной муки. Вот, если бы жив был в это время Некрасов, он бы написал другое стихотворение о женской доле, в худшем варианте. Крепостная женщина гнула спину, но получала за свой труд хоть что-то, а колхозная женщина, кроме трудодня, ничего не получала, вечно была должна колхозу. Нюркиного мужа, он имел начальное образование, комендатура гоняла на разные объекты работы, где нужна была грамота. Назначали его и продавцом, зав. базой, заготовителем, старшим рабочим, десятником на лесозаготовках, бригадиром, председателем колхоза. На всех этих должностях он честно и добросовестно трудился. Только вот дома у Нюрки не было мужа и отца детей. Наведывался он домой редко и как гость. Нюрка не обижалась за это на него, не по своей воле он оторван был от дома, от семьи. Тем не менее, он хоть и маленький заработок, но приносил семье, которая кое-как сводила свои материальные нужды концы с концами.

Но при каких бы условиях не жили люди, а природа своё требовала и свои законы диктовала. В 1933 году у Нюрки появился ещё один сын. Теперь у неё стало трое на иждивении. Долго думала она над вопросом, иметь или не иметь третьего ребёнка, а что она могла сделать практически? В то время аборт были запрещены, средств противозачаточных никаких не было, медицинского наблюдения и осмотра тоже не было, да о нём тогда вообще ничего не знали. С появлением третьего ребёнка жизнь в семье Нюрки ещё более осложнилась, так как яслей не было, надо ухаживать за ребёнком, работать в колхозе она не могла. Колхоз декретных не платил, отпусков платных не предоставлял, а жить-то на что-то надо. Один выход был – больше пользы извлекать из своего собственного огорода и домашней коровёнки. Но она ещё рассчитывала на мужа, которого и гоняла комендатура с места на место, но платила за эту работу хотя и низкую, но зарплату, не так как на трудодни колхозные. На эту зарплату уже можно было что-то купить в магазине. Через 6 месяцев после рождения третьего сына Нюрка вновь вышла на колхозные работы. Комендатура долго засиживаться не давала, нужно было поднимать колхозы, претворять в жизнь сталинскую коллективизацию. Нюрка днём гнула спину на колхозных работах, а ночью нужно успеть выспаться, выстирать пелёнки, высушить их, приготовить на день что-то покушать детям, ночью накормить и перевернуть своего младенца и многое другое. Вот по истине у неё не жизнь была, а какой-то кромешный ад. Ни в тюрьме, ни в лагере, ни под конвоем, а жить было трудно. Выехать, уехать из колхоза, найти где-то другое место для жизни было нельзя, комендатура не разрешала. Нужно было два раза в месяц отмечаться у коменданта, нельзя было даже сходить в другой посёлок к родственникам за 5 км. Это нарушение считалось побегом, а наказывалось это в самом мягком проявлении новой выселкой ещё в более глухие болотистые места. И при этом документально не оформленном рабском труде и образе жизни, Нюрка трудилась честно и

добросовестно на колхозных, почти бесплатных работах, за что неоднократно получала звание колхозницы-ударницы.

Но вот наступил 1937 год. Об этом времени в нашей истории написано очень много. Этот год вошёл в историю, как год массовых репрессий, как год окончательного уничтожения крестьян-тружеников, да и не только одних крестьян. Не обошёл стороной этот год и семью Нюрки. В конце июня месяца, её муж, отсеяв хлеб в весеннюю компанию вручную в колхозе, отпросился у председателя колхоза и коменданта в больницу в г. Колпашево, ближе – не было. Что-то желудок у него приболел, сынишку нужно показать врачам, ухо у него болело. Одновременно подсмотреть себе место работы, решил как-то выбраться из колхоза. Город Колпашево в то время был центром НКВД, в который свозились все забранные мужики со всего нарымского края. Прошёл он и его сын врачебные приёмы, уже день проработал продавцом в магазине – устроился на работу. Собрался отвезти сынишку 12-тилетнего домой, а потом вернуться на новое место жительства и работу в г. Колпашево.

Но перед самым отъездом на пароходе «Смелый», который ходил из Колпашево до Подгорное через Гришкино, на пристани его пригласил работник НКВД пройти в отдел. Он покорно с ним пошёл, и оттуда он больше не вышел и по сей день.

Мужа её арестовали, как врага народа. И двенадцатилетний сынишка зайцем пробрался на пароход и доехал домой. Вот так, уезжал с отцом, а приехал один и рассказал матери о том, что отца арестовали. Больше дети Нюрки не видели своего отца в глаза никогда и стали не только безотцовщиной, но к ним прилепили нарицательное прозвище «враженята». К ним добавилась ещё одна угнетающая формулировка: превая – кулацкое отродье, вторая – дети врага народа. Это было всё, что они получили в наследство от отца. А эти приклеенные к ним ярлыки в то время о многом говорили. На них вместе с Нюркой все окружающие смотрели с подозрением и к ним относились с недоверием. Благо, что семья Нюрки оказалась не одна в таком положении, так как в посёлке в эти последние июньские ночи собрали и посадили 25 мужиков, больше умных и хороших тружеников, остались только те, которые и на колхозных работах не нужны, и в тюрьме тоже. В посёлке много появилось «враженят» и жён врагов народа. Были случаи, когда садили и жён, стариков и детей. Работники НКВД не баловали никого, и за одно слово, сказанное против воли НКВД или ОГПУ, давали по десятку лет тюрьмы и лагерей, а на «умелом» следствии да с применением пыток, разматывают и до высшей меры наказания – расстрела. Вот в таком трудном материальном положении, моральном унижении Нюрка – колхозница-ударница осталась с тремя детьми (старшему – 12 лет, среднему – 7 лет, младшему – 4 года) мыкать горе и растить детей. Ещё крепче пришлось ей зажать рот и научить детей этому, чтобы нигде не проронить лишнего слова о цветущей сталинской жизни и «счастливым» детстве детей.

В начале она растерялась, что же делать? Но потом пришла в себя, пояснила детям, что надо работать и помогать ей в жизни. Всем вместе никакие трудности и никакое горе не страшны, сама она с раннего детства умела выполнять крестьянские работы, и дети её тоже научились с раннего детства выполнять тяжёлый крестьянский труд, видимо, в генах этих людей заложены крестьянские информации. Сама она работала на различных крестьянских работах, а дети, как муравьи, трудились на огороде. Держали коровёнку, поросёнка, телёнка, 2-3 овцы. Сажали в огороде картофель, брюкву, морковь, свеклу, помидоры, огурцы и всякую другую овощную мелочь. Картофеля накапывали до 500 ведер, много свёклы и моркови, брюквы. Из овощей делали паренки, сушили их, а зимой грызли, удовлетворяя потребности организма в витаминах. Дети собирали много ягоды, грибов, ловили рыбу. Дрова возили на санках и носили вязанками на плечах. Сено дети также почти заготавливали для скотины. Летом жали серпами в болоте длинный пырей, на конках он подсыхал, а потом вязанками переносили домой. Зимой ходили дети в школу и учились сравнительно хорошо. Вот только старшему долго не пришлось учиться. Ему исполнилось 14 лет, к этому времени он закончил и 7 классов, пошёл работать в колхоз, чтобы как-то облегчить материнское положение семьи. В предвоенные годы и военные годы Нюрке жилось очень трудно. На неё и других колхозников, таких, как она, накладывали большие займы и налоги. Нужно было отдать государству 12 кг масла, если у тебя есть коровёнка, сдать государству мяса 46 кг, кожу, 100 штук яиц. Помощи от государства она не получала никакой, хотя её старший сын был в 1943 году в 17.5 лет призван на фронт, который потом за один день до окончания войны был тяжело ранен и остался инвалидом на всю жизнь. От займов ей отказываться нельзя было потому, что она жена врага народа и спецпереселенка. В то время действовал лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!» попробуй пикни где-нибудь о том, что живётся трудно, тебя сразу упрячут за колючую проволоку на неопределённый срок. И она трудилась, не покладая рук и не разгибая спины, на колхозных работах. Была норма в колхозе: навязать 1000 снопов хлеба, составить в суслоны. Если бы теперь женщине предложили на длинной нитке навязать 1000 узелков, сидя в доме, она бы, наверное, отказалась и не смогла, а не только 1000 снопов. Женщин, которые вязали по 1000 снопов называли тысячницами и начисляли им по 1,75 трудодня в день, на которые почти ничего не давали в конце расчётного года. Ну, а если бы предложили выкосить крюком 60-80 аров овса или пшеницы, современная женщина бы, наверное, упала при первом прикосе и не поднялась.

Одевалась Нюрка в это время в мешочную юбку и ивовые лапти. А в зимнее время, после вывозки на лошадях или быках сена на колхозный двор с лугов, после рабочего дня нужно было брать в руки деревянный макет винтовки и идти обучаться военному делу, выполнять приказ Верховного Главнокомандующего, готовиться к обороне от немецко-фашистских

захватчиков. В 1944 году, не выдержав такой тяжёлой жизни, Нюрка заболела малокровием и куриной слепотой, ослабла и слегла в больницу. К тому же этот год, 1944, был самым голодным, особенно летние месяцы. Картофель урожая 1943 года погнил за зиму. Кое-как наскребли семян картофеля, садили огород глазками весной 1944 года, а на еду ничего не осталось. В округе посёлка съели всю крапиву, лебеду, лопухи, осот и другую всякую съедобную траву. У многих крестьянских колхозных ребятишек животики выпирались больше груди от этой зеленой травяной пищи. Часто они называли друг друга дистрофиками. Ожила семья Нюрки только в конце августа, когда стали подкапывать картофель урожая 1944 года. Пролежала она в больнице 2 месяца, выписали её со справкой, которая запрещала использовать её на тяжёлых физических работах.

Жизнь её изменилась в 1947 году в лучшую сторону. Сын – инвалид войны, получив профессию зоотехника, взял её на иждивение к себе. В это время ей исполнилось 40 лет, но она настолько выработалась, что колхозниками на общем собрании была единогласно отпущена из колхоза по медицинской справке, как не способная к работе в колхозе. В этом же году она получила открепление от комендатуры о снятии её с учёта спецпереселения. Постепенно, с улучшением жизни, она начала поправляться, набирать здоровья, через 5 лет она уже могла воспитывать внуков и ухаживать за ними. Но с введением закона о пенсиях, она была лишена пенсии, как колхозница, вышедшая из колхоза раньше пенсионного возраста. К тому же справку медицинскую, выданную больницей в том, что она не может работать на колхозных работах, она потеряла. Пенсию теперь она получает 70 рублей и живёт с сыном, ей теперь 83 года. Всё пришлось ей пережить и выстоять, какие-то особые силы придавались ей природой победить все житейские перепетии..